

Виктор Бондаренко

Бытовая мистика

Виктор Николаевич Бондаренко

Бытовая мистика

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48622342

Бытовая мистика. сборник рассказов: ИТРК; Москва; 2019

ISBN 978-5-88010-615-8

Аннотация

Как порой бывает сложно в ежедневной рутине рассмотреть что-то по-настоящему важное. Мы бежим по своим делам, не глядя по сторонам, не обращая внимания на детали и нюансы происходящего. А что, если вокруг нас в этот момент происходят самые настоящие чудеса? Новая книга Виктора Бондаренко – это сборник мистических рассказов, но их отличительная особенность в том, что вся мистика творится не в каких-то отдалённых вымышленных мирах, а рядом с нами, в нашей повседневности. Увлекательные истории, яркие персонажи, нетривиальные сюжеты – основа данного сборника. Рекомендуется к прочтению всем ценителям качественной современной российской прозы.

Содержание

Лавочка	5
На войне как на войне	32
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Виктор Николаевич
Бондаренко**
Бытовая мистика
Сборник рассказов

© Бондаренко В.Н., текст, 2019

© Издательство ИТРК, издание, оформление, 2019

* * *

Лавочка

Двое рабочих в рыжих запачканных жилетках, кряхтя, но не матерясь, выставили новую городскую скамейку на специально сделанную разметку, вблизи жилого дома номер тридцать три по улице Фролова. Данный тип скамейки не требовал дополнительного крепления к земле, поскольку сама лавочка была прилично тяжёлой из-за бетонных блоков-боквин и устойчиво фиксировалась на поверхности городского ландшафта за счёт собственного веса. Такую конструкцию требовалось только разместить согласно плану в проекте и правильно закрепить деревянные рейки, из которых состояли загнутая спинка, сиденье и нижний борт городской скамьи.

Примерно через двадцать минут все необходимые элементы были установлены и находились на своих местах: шурупы завинчены, гайки закручены, а все доски были целыми. Они были заранее обработаны специальным высокоизносным составом и покрыты несколькими слоями термостойкого лака. Попросту говоря, скамейкой можно было пользоваться по прямому её назначению.

После плановой уборки территории, где разместили лавку, вся монтажная бригада весело погрузилась в специальный фургон и направилась на следующий объект.

На календаре выпали первые числа сентября, погода была

тёплой и только два небольших клёна, возле которых только что установили новую лавочку во дворе, выдавали раннюю осень слегка пожелтевшей листвой.

За весь день на скамейку так никто и не присел и даже не дотронулся до неё, несмотря на то, что мимо прошло довольно много граждан, большинство из которых были местными жителями района. К вечеру пошёл мелкий дождик, который добавил на улицах осеннего настроения. Потянуло первой прохладой, и лакированная поверхность новенькой лавочки, заблестела в лучах уличных фонарей.

Утром следующего дня Семён Сергеевич пришёл на работу, как обычно, вовремя. Почесав бородку, а затем следом и лысину, он приступил к своим обязанностям и разложил на столе бумаги, которые скопились за последнюю трудовую неделю и требовали основательного разбора. Семён Сергеевич нахмурил брови, сосредоточился и погрузился в работу. Он взял сверху первый документ из стопки, но, увы, даже не успел прочитать первое предложение до конца, как раздался телефонный звонок.

– Алло, Семён Варыгин слушает, – бодро отчеканил Семён Сергеевич в трубку.

– Добрый день! М-м... У меня вопрос относительно лавочки. С кем я могу поговорить? – раздался спокойный мужской голос на другом конце провода.

– Какой лавочки? – Семён Сергеевич не сразу проник в суть вопроса и потому немного удивился.

– Здравствуйте ещё раз. Меня зовут Евгений Скребков, я живу по адресу улица Фролова, дом тридцать три, квартира семьдесят четыре. М-м... второй подъезд.

– Так? – Семён Сергеевич почувствовал, что разговор будет сложным, учитывая весьма обстоятельное вступление гражданина Скребкова.

– Дело в том, что я прошу вас убрать лавочку, – в голосе звонящего появилась лёгкая, но настойчивая тональность, которая не предвещала в дальнейшем диалоге ничего хорошего.

Но Семён Сергеевич совсем не удивился такой просьбе, поскольку часто сталкивался с подобными обращениями весьма внимательных граждан. Во-первых, любая лавочка во дворе или на улице – это магнит для разгильдяйски шумных подростков, местных алкашей, да и, наконец, просто забредших не бог весть откуда городских бомжей. Во-вторых, любые ландшафтные и прочие перемены в зонах постоянного проживания требуют некоторой адаптации и привыкания к новшеству от местных жителей. Ну и в-третьих, люди заранее придумывают всякие опасные социальные истории, начинают страстно в них верить, сами пугаются и принимают отчаянно паниковать – звонить в правоохранительные органы, местную управу, поднимать общественность и делать прочие глупости.

– Уважаемый Евгений, с чем связана ваша просьба? Расскажите, пожалуйста, поподробнее. – Семён Сергеевич был

максимально вежливым и спокойным, он даже неумышленно растянул на лице надменную улыбку, которую, конечно, никто в этот момент не мог видеть, поскольку Семён Сергеевич в кабинете работал один.

– Дело в том, – продолжал настырный требователь, – что эта лавочка никому не нужна.

«Всё, приехали! Трудный случай», – подумал Семён Сергеевич и тут же расстроился, понимая, что придётся изъясняться с очередным сумасшедшим, который попал в третью категорию «фантазёров» с безумными идеями и невероятными конспирологическими теориями. И откинувшись в кресле, он устремил свой взгляд на подвесной потолок с дырочками и продолжил сеанс психотерапии:

– Почему же вы так решили?

– Сами посудите, товарищ Варыгин, её установили в субботу днём, и за два дня ею никто не воспользовался.

– Ага. То есть её установили недавно? А почему же вы решили, что ею никто не пользовался целых два дня? – подмешивая бетон в свою железную логику, стал уточнять Семён Сергеевич, не понимая, почему он внезапно стал «товарищем» для озадаченного звонившего.

– А я всё это время за ней наблюдал.

– За кем, простите, вы наблюдали?

– За лавочкой, конечно. У меня окна на втором этаже и очень хороший обзор. Вот, смотрю на неё постоянно.

– Уважаемый... э-м... Евгений, дело в том, что люди

не сразу начинают пользоваться новым. Все улучшения по вашему району были заранее спроектированы, рассчитаны специалистами и утверждены комиссией. Уверяю вас, скоро скамейкой будут пользоваться. Например, молодые мамы и няни на прогулках, пенсионеры, которые ходят в магазины. Да и другие граждане, которым необходимо иметь возможность для отдыха. – Тут Семён Сергеевич сделал секундную паузу, помыслил и решительно добавил: – На свежем же воздухе.

После таких архитектурно построенных аргументов Семён Сергеевич был уверен в абсолютной победе в разговоре и готов был набросить ещё пару увесистых дежурных фраз, что-то типа «спасибо за ваше обращение», «мы обязательно учтём ваше пожелание», «благодарим за ваш звонок», «мы всё проверим и непременно примем меры» и всякие другие вежливые слова, чтобы закончить разговор, но звонящий неожиданно и взволнованно отрезал:

– Да, но ведь никто ею не пользуется!

«Вот дьявол!» – рассердился Семён Сергеевич и отложил документ, который держал всё это время в руке. Он выдернул карандаш откуда-то на столе и достал маленький белый квадратик бумаги. Будучи опытным сотрудником, имевшим за плечами множество проблематичных бесед с разного рода гражданами, Семён Сергеевич применил классический разговорный приём местного чиновника:

– Давайте я всё-таки запишу ваш адрес, мы зафиксируем

ем ваш сигнал и внимательно проверим информацию. Если скамейка действительно окажется невостребованной, мы поставим вопрос о модернизации данного участка и внесём соответствующие предложения в проект будущей реконструкции. Как вы сказали? Улица Фролова. А дом какой?

– Дом тридцать три. Лавочка находится от дороги в глубь двора. Э-м... напротив второго подъезда. Метра два, не больше.

– Ага-ага, записал, дорогой товарищ, – неожиданно для себя бухнул Семён Сергеевич. Его снова покорило слово «товарищ», которое теперь прозвучало из его уст. – Большое же вам спасибо. Обязательно проверим. Всего наилучшего вам.

Семён Сергеевич с грохотом приземлил трубку на телефонный аппарат, но саму-то трубку так и не отпустил. На бумаге он ничего и не написал, хотя точно собирался. Продолжая держать трубку, он отложил карандаш, почесал лысину и затем быстро набрал номер для звонка по внутренней линии.

– Алло? Анастасия? Привет. Посмотри, пожалуйста, по улице Фролова. Вчера устанавливали скамейку? Какая бригада делала? Всё же сделали хорошо? Там урну разместили, монтаж, уборку вокруг? Ну и вообще кто-то проверял? Всё хорошо?

Девушка Анастасия молча пошуршала немного в трубке и так же залпом ответила на все поставленные пулемётной

очередью вопросы её сослуживца. Семён Сергеевич покивал головой, так же многозначительно помычал в трубку, поблагодарил вежливую девушку и тут наконец почувствовал первый прилив успокоения. После звонка он посмотрел на отложенный карандаш, аккуратно воткнул его тупым концом в канцелярскую подставку и снова с удовольствием взялся за недочитанный документ. Иначе говоря, Семён Сергеевич вернулся к делам. Он делал на документах пометки, цеплял жёлтые липкие листочки, сортировал по папкам и заносил отдельные данные в прошитый журнал. Так монотонно и прошёл весь его рабочий день, в основном в бумажном разборе.

Где-то на третий день после беспокойного разговора, приблизительно в четверг, около одиннадцати часов утра, снова раздался телефонный звонок. Семён Сергеевич пил чай. Он посмотрел на телефон – вызов был внешний, из города.

– Семён Варыгин. Добрый день, – воспроизвёл он приветствие на автомате.

– Здравствуйте, Семён Сергеевич, – раздался бодрый и оживлённый голос.

– Здравствуйте! – так же бодро отозвался Семён Сергеевич.

– Это Евгений, мы разговаривали с вами в понедельник. Я по поводу лавочки на улице Фролова. Вам удалось разобраться?

Семёна Сергеевича даже немного дёрнуло от неожидан-

ности и звонка назойливого Евгения с улицы Фролова. Он уже и забыл про тот ненормальный разговор и всю эту ерунду про ненужную скамейку.

– Да, Евгений. Э-э... Информацию мы проверили. Э-м... и никаких проблем не выявили.

– Ну как же так! – резко возбуждаясь, возмущился Евгений. – Я всю неделю внимательно наблюдал. Очень внимательно. Никто так и не присел на эту вашу лавочку.

Семён Сергеевич нахмурился и свободной рукой схватился за лоб. Он почувствовал свои горячие пальцы, которыми он трогал кружку с только что приготовленным чаем. Он даже закрыл глаза, понимая, что начинается очередная длинная эпопея с местным, но очень бдительным сумасшедшим. К сожалению, такие иногда попадались. Редко, конечно, но обычно по весне. Однажды был выловлен злостный хулиган, который вначале просто названивал во все инстанции и требовал тщательно мести улицы и мыть их непременно немецким шампунем. А затем и сам был пойман с поличным участковым за поджигание тополиного пуха, который имел природное свойство неосторожно скапливался в небольшие валуны на дорогах возле бордюров. Поджигатель и борец за чистоту с немецким акцентом был активен до такой степени, что чуть не спалил детскую деревянную площадку, но, благо, его вовремя изловили. Потом завелся ещё один ненормальный, который по ночам обливал красной краской только чёрные автомобили, аккуратно и невинно припаркован-

ные во дворах. И были ещё другие случаи и отдельные мелкие эпизоды, где поведение местных граждан, мягко говоря, сильно отличалось от общественной нормы и было предметом практического изучения в психиатрии.

– Так позвольте узнать, вы каким же образом наблюдали? – буквально в лоб уточнил Семён Сергеевич у звонящего.

– Из окна, – немного обиженно выдала трубка. – Мне ваша лавочка очень хорошо видна из окна.

– А вы сами наблюдали? Или использовали какое-то записывающее видеоустройство? – Семён Сергеевич стал потихоньку разматывать детали, чтобы подловить собеседника и правильно оценить степень его адекватности.

– Сам, – гордо сообщил оппонент.

– Понятно. – Семён Сергеевич имел семилетний опыт работы, поэтому был предельно вежливым и аккуратным в своих выражениях. – А вы же могли отлучиться куда-нибудь? Ну, например, отдохнуть или, простите, в туалет сходить. Могли и не заметить кого-нибудь... из вашего окна.

Семён Сергеевич шёл по безотказному пути. Он решил добить взволнованного собеседника стальной логикой и усмирить психопата несокрушимыми аргументами.

– Да, возможно, но это маловероятно. Если я и отвлекался, то совсем ненадолго, – уверенно парировал ловкий гражданин Евгений.

– Послушайте, если вам эта лавочка не мешает, то зачем

вы за ней наблюдаете? – И Семён Сергеевич удивился себе, как он употребил в диалоге слово «лавочка». Сам-то он всегда говорил или слово «скамья», или «скамейка». А вот слово «лавочка» не использовалось в его лексиконе. Для него оно было довольно архаичным и каким-то совсем фольклорным.

– Я хочу, чтобы вы её убрали. Она не нужна!

– Да-да. Это я понял, – обречённо произнёс Семён Сергеевич и после небольшой паузы продолжил: – Давайте я попробую вам всё же объяснить. Понимаете, есть определённые нормы, по которым производятся проекты жилых спальных городских районов. Учитываются количество домов, школ, магазинов, коммунальных, муниципальных и других учреждений в жилом массиве. В расчёт берутся инфраструктура, дорожная сеть, пешеходные зоны, загруженность дворов и проходов, связки подъездов, артерии городского транспорта, частные и не частные парковки. – Семён Сергеевич при этом загибал и выбрасывал свои пальцы на правой руке по несколько раз. – Понимаете? Есть утверждённый проект и соответствующие расчёты.

Семён Сергеевич замолчал. Ему нужно было перевести дыхание. Он вывалил в разговоре всё, полил из всех орудий. В телефоне наступила тишина. Возникшая пауза, как маленький лучик победы, опять растянула на лице Семёна Сергеевича надменную ухмылку. Тут нужно было добивать, и он набрал воздух для финальной и завершающей атаки, но

голос в трубке его внезапно опередил:

– Могу я посмотреть на проект и расчёты?

«Вот гад!» – как молния сверкнуло в голове Семёна Сергеевича это определение и стёрло растянутую эмоцию на его лице.

– Возможно. Э-э... Только мы сами документы не предоставляем. Вам нужно сделать официальный запрос.

– Куда?

– К сожалению, я не предоставляю подобного рода справки, – и Семён Сергеевич стал смиренно официальным.

– А кто предоставляет?

«Пушкин, дядя Вася! Да чтоб тебя!» – потрескивали изящные, но только мысленные ответы в голове Семёна Сергеевича.

– Не имею представления. Обратитесь, пожалуйста, в канцелярию. Или лучше в справочную. У меня такой информации нет.

– Так что, вы лавочку не уберёте?! – продолжал после незначительного обдумывания неугомонный гражданин.

«Точно сумасшедший!» – совсем расстроившись, продолжал мысленно вести ещё один диалог Семён Сергеевич.

– На сегодняшний момент нет. Как и говорил, ваш сигнал мы проверили. Лав... то есть скамейку мы осмотрели. Установлена она как положено. Общих жалоб нет, все работы выполнены в срок и по графику, согласно проектной документации.

– Эм, так у меня есть жалоба.

«Вот же упёртый чёрт!»

– На что? – стал заводиться Семён Сергеевич и неожиданно добавил громкости в беседе.

– На то, что лавочка не нужна, – не меняя тон, объявил собеседник.

– Вам что, она мешает?

– Нет.

– Может, кому-то из ваших соседей, вашим родственникам или знакомым?

– Нет.

– Так в чём же дело?!

– Просто она никому не нужна.

«Так, спокойно-спокойно!» – стал в мыслях умирять себя Семён Сергеевич.

– Послушайте. Чтобы не ходить по кругу и не тратить время на разговоры, если у вас есть жалоба, вы можете официально её оформить и направить соответствующим образом. Уверяю вас, все обращения нами рассматриваются, и вам будет предоставлен официальный ответ. Но, как я и говорил ранее, ничего больше того, что я вам уже сказал, в ответе вы не получите. И-и, ещё раз спасибо за ваш звонок и обращение.

– А на чьё имя писать жалобу и в какое учреждение?

«В Министерство культуры! Чтoб ты провалился со своей дурацкой лавочкой!»

– К сожалению, такой информации у меня нет. Можете сделать обращение в управу. Данные найдёте в информационных источниках или можете прийти самостоятельно и оформить ваше обращение на месте.

– А кто будет смотреть тогда за лавочкой?

– Не могу знать, – довольным голосом ответил Семён Сергеевич. – Спасибо вам за звонок и ваше обращение. Всего вам доброго.

– Да-да. Спасибо. До свидания, – пискнула в задумчивости трубка, и связь прекратилась.

– Пошел ты! – громко и вслух произнёс Семён Сергеевич.

«Чёрт знает что такое!» В сердцах он швырнул трубку и выбежал из своего кабинета. Сейчас Семёну Сергеевичу нужно было просто пройтись по коридорам или по улице, чтобы немного успокоиться. По дороге он встретил сослуживца и, чтобы разрядить себя и обстановку, рассказал во всех красках про нового сумасшедшего по улице Фролова, дом номер тридцать три, и о его безумной просьбе, и конечно же, о его ещё более ненормальной наблюдательности. Приятели посмеялись, посочувствовали бедолаге и всему дому за номером тридцать три по улице Фролова.

И снова потекли трудовые будни. И снова рутина поглотила Семёна Сергеевича с головой.

Первое неприятное воспоминание о лавочке потревожило его, как какая-то старая заноза, на одном из плановых совещаний, где заслушивался общий доклад о проделанной ра-

боте за прошедшую декаду. Докладчик упомянул о монтаже четырёх скамеек городского типа возле жилых и ведомственных домов в районе, и Семёну Сергеевичу сразу вспомнился неприятный телефонный разговор. Он даже вспомнил имя психованного – Евгений.

Весь день в голове крутилось слово «лавочка», разговор, наблюдатель за окном на втором этаже, и потихоньку в мыслях стал сам собой воспроизводиться портрет сумасшедшего. Фамилию Семён Сергеевич совсем не запомнил, но в его голове нарисовался довольно странный образ. Это был скорее всего худощавый молодой человек. У него были, наверное, довольно большие воспалённые глаза от постоянного наблюдения за природой прилегающих территорий. Ненормальный почему-то воспроизводился в воображении Семёна Сергеевича рыжим и с сильно впалыми щеками. Волосы на мысленном портрете «назойливого» были чуть длиннее, чем у среднестатистического мужчины средних лет местного района, и они были растрёпанные и неприятно невымытые. Так почему-то себе зарисовал в своей голове странного, но возможно, и не буйного недовольного жителя на улице Фролова Семён Сергеевич, и его передёрнуло судорогой отвращения.

Затем все эти портреты, «лавочки», как-то сами собой снова выветрились будничными сквозняками от постоянных дел.

Гром прогремел через два-три дня, когда в кабинете Семёна Сергеевича снова раздался телефонный звонок.

В этот раз он не посмотрел на телефон, а просто схватил трубку:

– Семён Варыгин. Добрый день.

– Семён, привет! Это Степан. Тут на тебя бумага пришла.

– Какая ещё бумага?

– Даже не одна, а целых три. На всех, кому только можно, – в телефоне раздался издевательский смешок специалиста Степана Огурцова, который располагался этажом ниже.

– Ого, – фальшиво удивился Семён Сергеевич, – и от кого же?

Хотя Семён Сергеевич уже догадался, кем и откуда был брошен камень, но всё-таки какая-то надежда ещё теплилась, что это был просто не очень смешной розыгрыш Огурцова, да и бумага была всего одна.

– Заявления поступили от Евгения Петровича Скребкова.

– А-а, ну-ну. Дай угадаю. Этот тип с улицы Фролова хочет уничтожить все лавочки? Одержимый маньяк, – брякнул, отшучиваясь в трубку, Семён Сергеевич, но радостного отклика и поддержки от коллеги в трубке не последовало.

– Да нет. Он просит предоставить расчёт и проект по установке элементов городского типа в местах проживания граждан. Ну и всякое такое. Собрал целую гору подписей и отдельно просит, цитирую – «принять незамедлительно меры в отношении халатного бездействия и отношения к своим прямым обязанностям старшего специалиста», так... бла-бла-бла. Вот, Семёна Сергеевича Варыгина. Ну, в общем, телеги

на тебя пришли, – сам Огурцов при этом был очень весел, – мне сверху сегодня эти бумаги передали. Хе-хе, готовим ответ.

– М-да... – Семён Сергеевич огорчился и сильно озлобился. Ничего серьёзного в его диалоге со «слегка сдвинутым» одиноким и, возможно, рыжим длинноволосым гражданином со впалыми щеками не предвещало. А вот теперь на тебе: и запросы, и жалобы, и общественные подписи, и ещё чёрт знает чего натворил этот неустанный районный добродел!

– Жди. Скоро, наверное, вызовут. Ладно, тут по содержанию все вроде понятно. Мы ответ-то подготовим. Я на всякий позвонил, предупредить. Ладно, пока. Не расстраивайся там. – Было слышно, как Степан посмеивается, и сразу в трубке зазвучал протяжный гудок.

«Весело ему. Ну, нет, я этого так не оставлю! Достал меня этот ненормальный. Тоже мне печки-лавочки», – Семён Сергеевич не на шутку рассердился. Решение было только одно – действовать быстро и на опережение!

Он схватил со стола кожаную папку, в которой лежали только чистые бланки и которая предназначалась исключительно для придания солидности на всяких унылых заседаниях, и побежал с ней воинственно к своему непосредственному руководителю на два этажа выше.

Секретаря на месте не оказалось. Дверь в кабинет начальника была приоткрыта, и Семён Сергеевич, обнаружив

сквозь щель сидящего за столом совсем полысевшего Петра Александровича Молчанова, постучал вежливо в дверь и сразу же вошёл.

Пётр Александрович поднял на него глаза из-под очков в массивной оправе и неоднозначно посмотрел на своего подчинённого. Пётр Александрович очень не любил, когда к нему входили так вот, по-простому, без секретаря, и сразу же басом приветственно объявил:

– Заходи, Семён. Садись.

– Добрый день, Пётр Александрович. Мне тут Степан звонил из канцелярии. Я по поводу обращения от Евгения. М-м... фамилию забыл, сейчас не вспомню. Это один из жильцов нашего же района по улице Фролова. Он несколько раз звонил мне на прошлой неделе и жаловался на лавочку. Э-эм... требовал её убрать. – Семён Сергеевич стал улыбаться и потихоньку переходить на смех. – Аргументация была очень, мягко говоря, странная, я бы сказал – нездоровая. Хе-хе. Человек уверял меня, что сидит целыми днями у окна, наблюдает за ней и видит, что ею не пользуются.

Семён Сергеевич стал посмеиваться и ожидал симметричной реакции от обалдевшего от его рассказа руководителя, но Пётр Александрович приподнял вопросительно бровь и посмотрел уже через толстые линзы своих очков. Его общее настроение в выражении его лица не изменилось.

– Пётр Александрович, я хочу обратиться официально с запросом к правоохранителям, к местному участковому, –

уже немного нервничая и без ненужного смеха строго произнёс Семён Сергеевич. – Ну, чтобы проверили гражданина. Возможно, он болен и нуждается в принудительной госпитализации или ещё в какой проверке, – Семён Сергеевич добавил эмоционально в диалог всю свою вовлечённость в данный вопрос.

– А что? Совсем неадекватный? – пробасил Пётр Александрович без выражения и с длинными паузами, переводя своё внимание на документы, с которыми продолжал работать.

Семён Сергеевич стал отвечать чётко, как на докладе верховному главнокомандующему:

– По телефону общается нормально. В бочку не лезет. Сильно не возбуждался. Стёпа говорит, что он грамотно составил обращение и жалобу. Просто сама суть просьбы очень подозрительна. Ну, кому в голову придёт сидеть целыми днями у окна и наблюдать за лавочкой? Да ещё требовать, чтобы её убрали?

– Ну, выглядит странно, согласен. Но формально-то очень как-то всё обтекаемо. Давай конкретнее.

– Конкретно. Я набросаю сегодня запрос в Управление внутренних дел. Прошу вас меня поддержать. Согласуете?

– Ага, набросай. Посмотрим. – Пётр Александрович сделал паузу, полез в стопку бумаг на столе и выдернул несколько скрепленных листков. – А вот это необходимо тебе будет разобрать.

Листки плюхнулись на столе прямо перед Семёном Сергеевичем.

– Этот человек пишет, что его несколько раз проигнорировали. Были с ним грубы. – Пётр Александрович скривил лицо. – Делал что-нибудь по обращению?

– Да, я всё проверил. Лавоч... тьфу, скамейку установили на объекте по плану. Всё соответствует документации и графику. Всё это я ему объяснял. И общался исключительно вежливо. – Семён Сергеевич стал теряться, в голосе появилась оправдательная тональность.

– Тут проблема ещё в том, что этот твой тип соседние дома привлёк. И подписи собрал. Нам ещё тут с корректировками не хватает возиться. И ещё...

Тут Пётр Александрович достал ещё бумаги, и Семён Сергеевич, что называется, «отхватил по полной» в кабинете своего начальника, куда, собственно, сам и пришёл, чего-то там пытаюсь опередить. Пётр Александрович не выходил из состояния «не совсем в духе» (он явно был недовольным работой своего подчинённого в моменте) и, пользуясь случаем, отчитал за всё.

В контексте злосчастной лавочки Семён Сергеевич был распят, как черепаха, и в итоге вышел из кабинета с полным осознанием того, что было бы хорошо, чтобы этого ненормального и бдительного гражданина похоронили бы торжественно и с почестями под этой же самой лавочкой. Да так, чтобы больше никому и никогда не пришла в голову мысль о

том, что эта самая лавочка, будь она трижды неладна, никому не нужна. А наоборот, стала доблестным ему надгробием для безвременно покинувшего, зоркого наблюдателя за столь необходимой полезностью всех общественных элементов внутреннего двора.

Вот с таким настроением, мыслями и в таких огорчениях двигался Семён Сергеевич в свой кабинет, покидая начальника, который так и остался без присмотра все ещё куда-то запропастившейся секретарши.

Ну совершенно дурацкая и смешная история, а обернулась такими неприятностями. «И вот как разглядеть такие моменты и предугадать ход их развития?» – всё ещё задавался подобными философскими вопросами по дороге в свой кабинет Семён Сергеевич. При этом градус его ненависти к воображаемому рыжему ненормальному только повышался. И закипел Семён Сергеевич, только когда рухнул в своё рабочее кресло и обнаружил на столе копию зарегистрированного обращения от того самого, что сидел сейчас, наверное, в эту минуту и, не отрываясь своим неустанным взглядом от лавочки из окна второго этажа, строчил какие-то доносы, нажимал какие-то рычаги и кнопки, одним словом – управлял целым большим общественным движением, чтобы устранить вселенскую несправедливость в виде городской парковой скамьи серии Д2М1, типа «Классика люкс».

Семён Сергеевич стукнул в гнев кулаком по столу. Телефонная трубка подпрыгнула, сработал рычажок, и табло на

телефоне автоматически подсветилось. На часах выскочило пять минут седьмого, а это означало, что рабочий день уже закончился, и в эту секунду в голове Семёна Сергеевича, по натуре человека не менее справедливого, чем его воображаемый рыжий визави, вспыхнула невероятная мысль.

Он быстро собрался, набросил плащ, надвинул на лысину кепку, сдвинул брови и уверенно направился к дому номер тридцать три по улице Фролова.

Дорога была не дальней, поскольку сам дом был в трёх кварталах от учреждения, где трудился Семён Сергеевич, но цель была обозначена, маршрут построен, а настрой был очень боевым!

Подул ветерок, зажглись фонари, и с верхних веток обоих клёнов, которые были зарегистрированы в учётной книге дворового озеленения на улице Фролова, полетели оранжевые и красные листья. Какие-то уже лежали на глянцевой лаковой поверхности сиденья злосчастной лавочки, а какие-то были разбросаны рядом, ещё не тронутые метлой местных дворников.

Семён Сергеевич подошёл к скамейке и сбросил опавшую листву на землю. Со всей накопившейся злостью, злорадствуя и дьявольски улыбаясь, в каком-то балетном развороте рухнул он на скамью. И тут же почувствовал невероятное блаженство. Поскольку он был первым, кто прикоснулся к этому ненавистному объекту, который ничего, кроме возмущений, неприятности и злости, не принёс ему за послед-

ний месяц. Сидя он стал внимательно смотреть по сторонам и заглядывать в горящие окна дома напротив. Семён Сергеевич издевательски улыбался. Сейчас его улыбка была осознанна и объяснима. Семён Сергеевич демонстрировал абсолютно всем окружающим полезность и столь важную необходимость городской скамьи. Он расставил руки в стороны, обхватил спинку сиденья и растянулся так сильно, как только мог, выставив свои длинные ноги, обнажив серые носки, которые выглянули из-под коричневых брюк. Семён Сергеевич прочувствовал своим станом все прогибы сиденья, наслаждаясь удобством своего расположения. Он мысленно поблагодарил тех, кто когда-то грамотно рассчитал размеры и спроектировал этот вариант городской парковой скамейки.

Уже через пять минут, растворившись в состоянии полнейшего комфорта, он стал вычислять окна второго этажа, предположительно второго подъезда. В эти минуты его абсолютно не смущало, горит или не горит в окне свет. Он просто надеялся увидеть рыжего наблюдателя с нематыми расчёсанными волосами, со впалыми щеками и выпученными глазами, которые наполнялись слезами от того, что невыносимая и никому не нужная лавочка все-таки пригодилась. И её не нужно будет демонстративно демонтировать на глазах у восхищённых соседей, подмахнувших второпях какую-то коллективную жалобу.

Словно сонар, Семён Сергеевич прощупывал своим взглядом каждое окно. Он сканировал каждую деталь, ста-

раясь уловить мельчайшее движение и рассекретить замаскировавшегося психопата. Он хотел заглянуть ему прямо в глаза и насладиться чувством справедливости.

В окнах мелькали кактусы, похабные узорные занавески, выглядывали какие-то настенные часы, подвесные шкафы и полки. Где-то мелькнул краешек телевизора, где-то замелькали тени жильцов, но нигде не было намёка на настырного наблюдателя-кляузника или хотя бы на прибор для наблюдений с какой-нибудь маленькой красной или зелёной лампочкой.

Прошло около получаса, и постепенно Семён Сергеевич стал успокаиваться, его улыбка сползла и затерялась в выражении задумчивости. Мысли поползли в сторону. Семён Сергеевич стал отвлекаться на прохожих. Подмечать изящные сапожки, молодых мам, тяжёлые туфли немолодых нянь, осенние чёрные лужи, торопящихся куда-то подростков, курящих угрюмых пешеходов и болтающих о чём-то задорных школьников.

Вокруг стали выделяться и проезжать машины, такси, парковаться те, кто успел пораньше домой. Мимо проехал велосипедист в красной повязке. Окна в доме стали зажигаться чаще. Вокруг вспыхнула вечерняя жизнь обычного спального района.

Подул прохладный ветерок, и рыжий кленовый лист аккуратно приземлился на кепку Семёна Сергеевича. Он снял его с головы и стал внимательно разглядывать. Злость, которая

недавно переполняла его, полностью улетучилась. Он развернулся в пол-оборота, закинул ногу под себя и стал осматривать лист со всех сторон, покручивая его за стебелёк в лучах дворового фонаря.

«Надо идти домой. Что-то засиделся я. Да и стало прохладно, – подумал Семён Сергеевич. Все спешили по домам в этот вечерний час, и он чувствовал движение этой системы. – Да. Нужно идти домой. Чего я тут расселся?»

Бах! Что-то грохнуло за спиной. Семён Сергеевич резко обернулся и увидел пожилую женщину, которая поставила пакеты с продуктами на краешек лавочки, где он в есенинской позе покручивал жёлтый листок. Женщина глубоко дышала и смотрела по сторонам. Минуту, не отрываясь и не шевелясь, Семён Сергеевич смотрел на неё как заморожённый, но женщина даже не обернулась. Она снова взяла сумки и пошла своей дорогой. Семён Сергеевич приоткрыл рот и застыл в неудобном развороте.

Пока он смотрел вслед уходящей женщине, подъехало такси, из которого вышел молодой человек с телефоном. Продолжая говорить, он, не раздумывая, присел на тот самый край, где только что стояли сумки с продуктами. Он что-то увлечённо обсуждал, рассказывал, смеялся. Затем достал сигарету и закурил, продолжая болтать и при этом смотреть себе под ноги.

Семён Сергеевич наконец зашевелился и принял более удобную и естественную позу. Молодой пассажир такси

встал, аккуратно затушил окурок и выбросил его в новенькую урну рядом. Не отрываясь от трубки, всё так же продолжая разговаривать по телефону, он куда-то удалился в глубину тёмного двора, оставив после себя противный запах табачного дыма.

Семён Сергеевич хлопал глазами. Он покрутил головой по сторонам, не понимая своего состояния. Со стороны могло показаться, что он задаёт кому-то вопрос и ищет того, кто на него ответит. Или это он своим сидением на лавочке только что привлёк внимание граждан и снял неведанное проклятие с несчастной скамейки, возбуждая к ней полезный и востребованный интерес? Или все эти звонки и жалобы были своего рода просто издевательством со стороны ненормального жильца?

Так и не определившись, Семён Сергеевич просто плюнул в сторону мусорного бочка, но не попал. Он отбросил кленовый лист и стал хлопать себя по груди. Во внутреннем кармане пиджака он обнаружил шариковую ручку и уже внимательно, прищуриваясь, ещё раз огляделся по сторонам. Снова, развернувшись в пол-оборота, он стал судорожно что-то царапать на спинке скамейки, разрушая гладкую и новую поверхность лакированной древесины. Затем он по-шпионски надвинул глубже на лоб кепку и быстро пошёл домой, совершив неожиданный и постыдный для себя акт вандализма на улице Фролова, напротив дома номер тридцать три.

Чуть больше месяца спустя Семён Сергеевич про эту ис-

торию уже и не вспоминал. Жалобы рассмотрели, дела переделали, ответы написали, письма зарегистрировали, и всё унеслось как-то само собой в водовороте муниципальных дел.

Уже выпал декабрьский снег. Улицы стали посыпать средством против обледенения. В домах в трубах зажурчало отопление, а из второго подъезда дома номер тридцать три по улице Фролова вышел мужчина средних лет, рыжеволосый, с впалыми веснушечными щеками и воспалёнными красными гласами навывкате. Одет он был небрежно, из-под вязаной старой синей шапки торчали немного растрёпанные засаленные волосы.

Худошавый гражданин сделал глубокий вдох морозного декабрьского воздуха, поправил серые варежки и немного неуклюжей походкой направился к лавочке, которая была расположена недалеко от его подъезда.

Снег, который выпал ночью, тонким слоем покрыл всю поверхность скамьи и налип к каждой доске – от загнутой спинки до нижнего её борта. Рыжеволосый бледный мужчина смахнул снег и очень аккуратно присел. Движения его были немного скованными, боязливymi и где-то угловатыми. На фоне остальных граждан вокруг, внешне для своих лет, он выглядел очень старомодно и даже немного подозрительно.

Голова его в синей старой шапке стала озабоченно крутиться по сторонам. Затем рыжий пришелец развернулся в

пол-оборота и, поджав одну ногу под себя, улёгся на спинку. Медленно, осторожно стал он расчищать снег с каждой доски возле себя и наконец застыл. На его веснушчатом лице вспыхнула улыбка, а голубые глаза заблестели. Зубами схватил он краешек варежки на правой руке, потянул головой в сторону и освободил руку.

Между пальцами ладони в его руках была зажата прозрачная шариковая ручка с красной пастой внутри. Не выпуская изо рта варежку, он быстро что-то нацарапал на деревяшке и, испуганно помотав по сторонам головой с варежкой в зубах, резво вскочил и двинулся обратно к своему подъезду. Быстро засеменяв и натягивая по дороге рукавицу, он споткнулся и чуть не упал.

Молодой человек нырнул обратно в подъезд, из которого вышел несколько минут назад, оставив на скамейке свои следы. Там, где уже не было снега, на одной из деревянных реек лавочки, в спинке, была синей ручкой нацарапана уже немного выцветшая надпись: «Это место тех, кто умеет не думать», а рядом свежими красными чернилами было коряво приписано: «о тех, кто рядом».

На войне как на войне

Небо на востоке порозовело, и на густых кучевых облаках отразились первые кровавые лучи восходящего солнца. Сергей сидел в укрытии и крепко сжимал в левой руке цевьё автомата. Его дыхание было частым, пульс под двести, а руки дрожали. Из-под зелёного платка-косынки на его голове по вискам катились огромные капли пота, оставляя светлые дорожки на пыльном лице. Последний манёвр Сергея оказался неудачным, пуля зацепила левое плечо, и сил заметно побавилось.

Сергей прижал к груди автомат, из которого с момента сработавшей сигнализации он успел сделать только три короткие очереди. В магазине оставалось ещё около двадцати патронов, а к нему ещё полный рожок, крепко примотанный чёрной изоляционной лентой. Блиц-операция по уничтожению важнейших объектов противника продолжалась. По разработанному плану, необходимо было проникнуть на охраняемую территорию, произвести минирование сборочных цехов, укрытых в ангарах, осуществить подрыв и быстрый отход в обозначенный в лесу квадрат.

Все изученные ранее чертежи комплекса, фото объектов и целей на подрыв, сделанные с беспилотного самолета, приняли сейчас реальное трёхмерное очертание на местности.

Сергей двигался точно по графику, в координатах обще-

го плана. На восемнадцатой минуте, а именно в четыре часа и тридцать три минуты утра по местному времени, в периметре объекта сработала сигнализация, и вся диверсионная группа, согласно разработанной инструкции на этот случай, сразу перешла в молниеносную атаку по всем направлениям. В этой операции противник имел высокий уровень подготовки и соответственно сложности, поэтому начатый прорыв очень быстро захлебнулся в очень слаженных действиях со стороны сил охраняемой территории.

С того самого момента, как завязалась перестрелка и Сергей в прыжке успел нырнуть за холм, прошло несколько секунд, но эти секунды растянулись для него в мучительные и вязкие минуты. Мысли искрами щёлкали в голове в переборе комбинаций дальнейших действий. Осуществлялся поиск вариантов и схем. Задача ещё не выполнена, и успех операции сейчас зависел от каждого бойца. Только доносившиеся звуки суеты и стрельбы со стороны противника позволяли как-то ориентироваться в текущей обстановке. Положение было непростым.

«Так, меня обнаружили и ранили. Нужно очень быстро соображать», – и в голове Сергея возникла картинка общего плана.

«Итак, четыре боевые единицы ударной диверсионной группы продвигаются со стороны подъездной дороги. Их прикрывает отделение из шести бойцов. Ещё три группы по четыре и шесть солдат должны были рассредоточиться по

периметру и обеспечить прикрытие по сторонам света охраняемой территории».

По плану, основная задача Сергея была занять позицию на южной стороне, взять на сопровождение всю охрану в зоне прямой видимости и по сигналу командира мгновенно перейти в наступление, создавая световой и шумовой эффект. Необходимо было максимально дестабилизировать обстановку и осуществить подавление живой силы противника в указанном направлении.

«Всё оказалось совсем не просто, но нужно пробираться», – подбадривал себя Сергей.

В момент, когда сработала сирена, он открыл прицельный огонь по часовому на поражение, который занимал наиболее высокую точку в его секторе. Но противник был настолько подготовлен, что в ответном шквальном огне, который был открыт сразу из пяти мест, мгновенно погиб один из его напарников в группе. Направление с южной стороны, куда они заходили по плану, теперь было закрыто для молниеносного прорыва. Сергей остался один. В падении, когда приходилось уходить за холм из-под огня, он заметил трёх бойцов справа и движение легковой машины слева. Расстояние было около семидесяти или восьмидесяти метров, и нужно было срочно определить дальнейшее маневрирование.

«Вроде ничего серьёзного. Важные органы не задеты». И Сергей почувствовал, как сильно намочла его одежда в области левого плеча.

Сирена продолжала монотонно раздражать, и в какие-то моменты казалось, что её звук только усиливается. Но эта шумовая иллюзия была лишь следствием огромного напряжения от неожиданного разворота операции и сквозного пулевого ранения.

Сергей попробовал сконцентрироваться и стал прислушиваться. Сейчас все его чувства обострились до предела. Слышались отдельные крики команд и выстрелы на территории склада. С невероятной скоростью анализировалась любая мелочь: ели слышимые отдалённые голоса, незначительные шорохи вокруг, тонкие скрипы деревьев, дуновение ветра, собственное дыхание, кровопотеря, пульс, напряжение в мышцах, тёплый металл, скользкая древесина, влажные пальцы и вообще всё, с чем соприкасался сейчас Сергей.

Стараясь не двигать головой и оставаясь в состоянии повышенного внимания, он на ощупь вытащил шумовую гранату из жилетки и выдернул из неё кольцо. Пора было действовать быстро, пока противник не подготовил манёвр для контратаки. Сергей немного успокоился и глубокими вдохами выровнял свое дыхание. Его пальцы сжимали железо до боли. Сирена продолжала завывать и била в мозг. Всё, что сейчас окружало его в лесу, стало каким-то бессмысленным и неприятным. Он осмотрелся. Вокруг возникли огромные хвойные деревья, пятнами появился густой ворсистый тёмно-зелёный мох, от ветра задрожали колючие пики зелёной травы, зазвенели с первыми тёплыми лучами солнца неуго-

монные насекомые, замелькали неумолкающие юркие птицы, и прямо перед его ногами вдруг раскинулся кустом нахальный папоротник.

«Кругом какой-то ад. Как мне отсюда выбираться?» – внутренняя тревога и отсутствие каких-либо явных альтернатив возвратили Сергея в обречённую реальность. Совсем неприятные мысли вокруг трусливого и жалкого плана возможного отступления стали царапать его изнутри. Накатило отчаяние. Мрачное ощущение абсурда в своих действиях с бесполезным существованием накрыло тошнотворной волной перед предстоящим запланированным выпадом.

Сергей вдруг посмотрел на папоротник перед собой и не смог понять вспышку внезапной ненависти к этому растению. Что-то в этом кусте было совершеннейшим образом не так. Не вязался он в тонкую модель естественной органики леса и всего происходящего вокруг. Этот нагло торчащий куст как-то особенно выделялся и в то же время был мёртвым, неестественным на фоне остальной лесной флоры.

«Какая отвратительная симметрия! – сверкнуло в голове Сергея. – Да-да, именно симметрия. Таких папоротников в природе не бывает». Он даже попытался прикинуть на глаз, дотянется ли он до его ровных черенков с отточенными лепестками своим ботинком в текущем положении, чтобы сломать или как-то повредить уродливый раздражитель. И Сергей тут же резко упрекнул себя и отдёргнул за то, что бесцельно отвлёкся в эти секунды.

Где-то рядом за холмом послышался треск. Реагировать на изъяны окружающего леса больше не было времени. Мощным броском Сергей зашвырнул гранату в левую от себя сторону, а сам рванул вправо. Он перехватил автомат и выпрыгнул из-за холма. Взрыва он так и не услышал. Две пули пролетели рядом с головой возле правого виска, и шлейфом за ними, словно легкий ветерок, он почувствовал прикосновение вихревых воздушных потоков. Затем несколько мощных ударов в рёбра сбили его с траектории движения, и мгновенная жгучая боль вспыхнула внутри.

Акробатика манёвра из-за холма не достигла своего задуманного завершения. Сергей повалился с пригорка и лицом приблизился к острой траве. Запах сырой земли был последним отчётливым ощущением этой реальности, и горизонт закрутило. В горле пенилась тёплая кровь, сердце стало биться чаще и чаще, и Сергей стал задыхаться. В глазах стало темнеть, он схватился за траву, но это было рефлекторное и бессмысленное движение – он очень быстро терял много крови. Всё вокруг стало густым, вязким и вместе с алым отблеском восхода на серых облаках потемнело и рухнуло во мрак.

Включилась сирена, но на этот раз Сергей уже был ближе к дороге метров на пятнадцать.

«Ага. Вот и началась атака. Вперёд», – снова скомандовал он сам себе.

Небольшой холм, где можно было успешно спрятаться, остался сейчас немного позади. Сейчас Сергей заходил ле-

вее, чтобы максимально быть в слепой зоне наблюдения охранника, засуетившегося на дозорной вышке.

Сергей передвигался медленно и аккуратно, стараясь не издавать звуков и быть незаметным на фоне ландшафта. И вдруг перед его глазами снова возник куст папоротника, но уже чуть меньшего размера, чем тот, который недавно раздражал его за холмом. И всё та же идеальная симметрия, которая его так возмутила, снова вонзилась иглой в его голову и отвлекла от задания.

«Они тут все такие?» – мысленно задал себе вопрос Сергей. И скривившись, он затаился на позиции. Один боец из его группы сдвинулся влево, туда, где была естественная возвышенность и зона для отслеживания охраны с южной стороны периметра.

Ударный отряд ринулся по плану вперёд, и зелёные точки поползли на экране радара. Сергей услышал команду в наушник и посмотрел на ручные часы с изображением Микки-Мауса. Стрелки на циферблате часов состояли из лап весёлого мультипликационного персонажа. Та лапка мышонка, что была поменьше, была часовой стрелкой, а лапка, которая длиннее, была минутной. Расположение рук-лап Микки-Мауса указывало на четыре часа тридцать одну минуту. Операция продолжалась.

«В атаку!» – и двумя длинными очередями из автомата Сергей срезал сразу двух солдат и занял устойчивое положение сидя. В такой позе вести прицельный огонь было гораздо

проще и точнее. По всем направлениям завязался бой. Сергей, всё ещё в низкой позиции и короткими перебежками, взял курс на административное здание, где сейчас не наблюдалось никакого перемещения. В сопровождении его продолжали прикрывать слева.

Возле распределительного электрощита, который был ближе всего к дороге, Сергей собрал все свои силы, резко вскочил, переключился на бег и буквально влетел в дверь запланированного по маршруту строения. На радаре это здание подсвечивалось как объект номер ноль одиннадцать.

Внутри самого здания было пусто, на входе были видны сразу все три комнаты, и везде наблюдался страшный беспорядок.

«Ну, правильно, это место покидали второпях», – объяснил себе увиденное Сергей. Он быстро осмотрелся внутри и остановился у дальнего выхода. Почти в самом центре комнаты располагался стол, на котором были разбросаны игральные карты. На окне стоял включённый радиоприемник и отвратительно шипел, а под столом размещалась очень пыльная передающая станция с мигающим зелёным огоньком. Кругом всюду валялись какие-то бутылки, фантики, и было много мелких и не связанных между собой предметов. Ещё Сергей заметил несколько листов белой бумаги, которые также валялись кругом на полу и были чересчур чистыми. Они выглядели совсем как-то нелепо на фоне творившегося в доме хаоса и бардака. И вновь что-то неприятно коль-

нуло его внутри. Лёгкая вспышка очередного раздражения возникла от увиденного. Интерьер и вся обстановка в доме были неестественными.

«Что-то тут недоработано», – заметил Сергей и продолжил осмотр.

На краю стола в центре комнаты стояла небольшая коробочка с нарисованным на ней красным крестом в белом круге. Это была стандартная военная аптечка в металлическом корпусе. Сергей подошёл к ней ближе, но она ему была сейчас не нужна, а вот лежавший рядом полный рожок-магазин на тридцать патронов для его автомата был очень кстати. Сергей быстро схватил необходимый боеприпас, и тот исчез в накладном кармане армейской жилетки.

«Хорошо хоть тут не растут уродливые папоротники», – мысленно проворчал Сергей и одиноко улыбнулся.

Снаружи стали доноситься звуки стрельбы и одинокие хлопки. Сергей посмотрел на прибор радара и увидел, что его цель была ещё далеко, а ударная группа уже довольно сильно сместилась вправо. Зелёные точки на тёмном экране, не останавливаясь, продолжали уползать.

«Так. Нужно двигаться к объекту, и скорее. Тут ничего полезного больше нет».

Как только Сергей выскочил на улицу, то заметил на углу в повороте уезжающий легковой военный автомобиль с открытым верхом, который как раз должен был появиться где-то через пару минут на южной стороне охраняемой зо-

ны. Сергей вскинул автомат и взял водителя на прицел, но стрелять так и не стал.

«Чёрт с ним! Пусть едет. Сейчас главное – ангары», – мысленно он отпустил противника, подарив ему жизнь, а себе сэкономленные патроны. Сергей снова перешёл на бег и двинулся в направлении важного объекта, мигающего на экране радара.

Маневрируя между домами по улице, он выскочил и увидел группу солдат противника. Не раздумывая, автоматная очередь, затем ещё очередь, одиночные выстрелы. Пули стали мелькать и свистеть со всех сторон.

«Вот дрянь! Настоящая мясорубка», – снова запрыгали мысли в голове. Удар в ногу – и пуля снова прошла навывлет. Красная вспышка в глазах, снова удар. Сергей резко переместился за угол ближайшего строения. Дышать стало очень трудно, мышцы болели, и чувствовалось нестерпимое жжение ран.

«Нужно вернуться немного назад, там, где была аптечка. Попробую успеть, иначе в таком состоянии я не доберусь», – и Сергей развернулся в обратную сторону.

«Потеряю, конечно, время, но по-другому тут никак».

Он попытался перейти на бег, но это сделать не получилось. Движения срывались, и двигаться получалось только ходьбой. Слишком сильно он был сейчас повреждён ранениями. Жизненных сил хватало только на тридцать один процент.

Сергей стал отходить назад, как ему казалось, по безопасному для него пути. Но из-за угла на перекрёстке неожиданно навстречу выскочил автомобиль. За рулём сидел солдат в зелёной кепке и тёмных очках. Сергей автоматически стал стрелять и выпустил от бедра все патроны в лобовое стекло открытого военного джипа. Автомат от выстрелов подбрасывало вверх, и пули, оставляя почти ровные дырки, превратили ветровое стекло несущегося автомобиля в решето. Убитый сразу завалился набок, машина вильнула и, делая разворот, врезалась в сосну, которая ещё по совместительству была фонарным столбом. От мощного удара машины сорвался подвешенный невысоко светильник и с грохотом разбился о землю.

Сергей был нацелен на дом с аптечкой, но всё же успел кинуть взгляд на осколки, и где-то в зелени травы снова промелькнул или уже померещился нереально пропорциональный куст папоротника.

«Они, наверное, просто бездарно тут копируются», – подумал Сергей про симметричное растение. Но разглядывать детали было некогда, тем более что они были не очень хорошо проработаны. Нужно было возвращаться в то здание, где на столе были спасительные для него медикаменты в железной коробочке с красным крестом.

Хромая, Сергей передвигался медленно. Вот оно: крыльцо здания под номером ноль одиннадцать, открытая дверь, и внутри по-прежнему никого нет. Он проник в комнату со

столом и успел на ходу заменить пустой магазин автомата на новый, с патронами.

«Ага! Спасительная аптечка». Она лежала на краю.

«Скорее!» – сам себе диктовал Сергей. И он сорвал крышку и схватил шприц. Резким ударом пробил он униформу из крепкой и прочной ткани и впрыснул содержимое себе в ногу.

Внутри его тела стала растекаться энергия, проникая в каждую клеточку и наполняя его жизненной силой. Открытую рану на ноге он быстро залепил специальным медицинским самоклеящимися пакетом со сложным многослойным целительным составом. Жидкость, которую он вколол, вместе с пропиткой, которая была на пластыре, стали мгновенно творить чудеса. Кровь сворачивалась, боль стала быстро утихать, и Сергей почувствовал, что готов выполнять боевую задачу на все восемьдесят процентов.

Он дёрнул затвор автомата, убедился, что у него полный магазин патронов, и развернулся к двери. Но тут Сергей остановился, решив, что в этом месте он должен обязательно зафиксировать момент его сложной миссии и затем начать новый манёвр. Пару движений, короткая пауза – и всё было готово.

Ударом ноги он распахнул дверь второго выхода, который находился в последней комнате, и выскочил на улицу. Его ботинок так плотно приложился к двери, что та еле-еле удержалась, чтобы не слететь с петель. Сергей двинулся к цели.

Он выбежал на улицу и увидел неподалёку подбитый автомобиль, который он расстрелял, когда возвращался за аптечкой, и у которого всё ещё работал двигатель. Внутри машины и рядом с ней сейчас было совершенно пусто, но лобовое стекло было всё так же полностью разбито от его пуль и забрызгано кровью исчезнувшего куда-то убитого им водителя.

Данная конструкция автомобиля была такова, что лобовое стекло могло опускаться вперёд и складывалось на капот машины.

Сергей не стал долго думать, он прыгнул за руль, брезгливо откинул окровавленную раму вперёд и решил наверстать потерянное время.

«Главное – сильно разогнаться и двигаться напролом», – поставил себе задачу Сергей.

Передача назад, руль влево, педаль, сцепление, снова передача, и вот он уже на дороге. Пыль поднималась столбом из-под колёс рвущегося автомобиля, мотор ревел. Мигающий треугольник на радаре призывно требовал выполнить боевую задачу. Сергей двигался по улицам гарнизона противника к главному объекту его миссии. Он переключил скорость и сильно прибавил газ. Где-то за третьим поворотом выскочили около пяти человек охраны навстречу. Сергей стал вилять, но скорость не сбавлял. Он всё так же придерживался выбранной тактики и мчался напролом. Пули полетели ему навстречу со всех сторон. Он слышал, как раз-

бываются фары, разлетаются зеркала, как зазвенел металл корпуса автомобиля, как лопнула правая шина колеса... Он потерял управление. Одна за другой замелькали кровавые вспышки в глазах.

Чувства его снова обострились до предела, и время сильно замедлилось. Он почувствовал, как очередная пуля вылетает из его горла, и за ней вырываются мелкие частички трахеи. Вновь омерзительная и резкая боль. И в водовороте затухающего сознания, в фонтане кровавого артериального гейзера проскользнула в его голове запоздалая, но очень верная мысль: «Это было плохое решение».

Автомобиль мощным ударом во что-то врезался, и Сергей, смешиваясь с цифровой пылью, вылетел из очередной прекратившейся реальности.

Раздался громкий звонок, а вместе с ним пошла вибрация от телефона. Сергей снял наушники, немного отодвинулся от стола и поднёс трубку к покрасневшему уху:

– Алло?

– Привет, дорогой! Что делаешь? – прозвучал тёплый и приятный голос супруги.

– Сейчас немного занят... Привет, – засуетился растерявшийся Сергей возле компьютера. – Как ты? Что у тебя? Как твоя командировка?

– Да всё нормально. Устала немного. Завтра утром возвращаюсь. Рейс по расписанию.

– Эм... Завтра? Завтра уже понедельник? Может, мне те-

бя встретить... где? То есть во сколько? – и Сергей почувствовал неловкость от каскада своих глупых скомканных вопросов, поскольку прекрасно знал и день, и аэропорт, и даже время прилёта своей жены.

В трубке возникла сложная пауза. Несколько секунд каждый из собеседников расшифровывал услышанные слова, разбирал интонацию и общую реакцию в сложившемся диалоге.

– Да не нужно, – очень ровно и сдержанно ответила трубка, хотя чувствовалось, что на том конце причина неловкости в ответах и суете со стороны Сергея были полностью раскрыты. – Всё нормально. Не беспокойся, я завтра сама доберусь. Ты, наверное, сильно занят? Отдыхай, уже поздно.

– Ага. Да... сейчас занят. Ну, хорошо... Ладно, дорогая, я пойду спать. Тебя обнимаю и целую. Тогда до завтра?!

– Да-да... спокойной ночи. До завтра.

Экран телефона погас. Сергей почувствовал себя очень виноватым. Разговор получился совсем коротким, сильно жёванным и от того очень неприятным. Зачем он стал задавать все эти вопросы и лепетать? Почему он засуетился? Как он мог позабыть и не подготовиться к её встрече? Внутри у него противно пробежал холодок. Он очень растерялся, поскольку совершенно увлёкся игрой. Двое суток он не вылезал из-за компьютера и смешал реальности. Он даже не запланировал эту ситуацию, а просто куда-то забросил внутрь себя факт возвращения супруги и попросту про него забыл.

Конечно, она поняла из всех его слов, что он в своих мыслях, в какой-то отвлечённой занятости и где-то совсем не с ней. Он даже не соскучился. Он вообще опустил момент её отсутствия и не был настроен на разговор с ней.

«Наверняка расстроилась и обиделась», – подумал Сергей и положил телефон рядом с настольными часами с изображением озорного Микки-Мауса, который указывал сейчас своими лапками на половину первого ночи.

«Вот я дурак!» – и Сергей поджал нижнюю губу. Он снова взял трубку, но, посмотрев на чёрный экран, отложил её.

«Перезвонить ей сейчас или не к месту?»

Сергей стал анализировать.

«Может, примчаться завтра в аэропорт? Или остаться дома и приготовить какой-то сюрприз? Перезвонить и извиниться? Придумать какое-то оправдание или историю? – и Сергей запутался. – Как быть?» Он комбинировал варианты и вспомнил ситуацию за холмом, но ему ничего не нравилось. Тревожил сам момент состоявшегося диалога, в котором он повёл себя очень глупо и как-то совершенно неучтиво. Он посмотрел на монитор, но там не было ничего, что могло ему помочь в данную минуту. Сергей поймал себя на мысли, что он уже очень долго играет и путается в действительности. Он положил руки на стол и упёрся в них головой.

«Вот чёрт, сложный я выбрал всё-таки уровень». И Сергей дёрнул затвор автомата и снова вышел из уже знакомого ему здания, где он сохранил компьютерную игру последний

раз. Он так мощно и со всей злобой ударил ногой в дверь, что на этот раз она отлетела метра на два и с грохотом упала на землю. Вокруг большими клубами взметнулась дорожная серая пыль. Сергей переключился на бег и почувствовал, как мешают его движению пластыри, которые прижимали целебную пропитку медицинских пакетов из недавно использованной вражеской аптечки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.